

введенням звуконаслідування, характерного для птахів: „ **Ге-ге-ге**, – ніяково **гелгас Безбородько** (М.Стельмах). Досить часто метафоризований онома топ має при собі порівняльний зворот, який актуалізує первинне значення: „ **Скрегнув** розлючений голос, **як залізо об камінь**, і раптом зірвався (М. Коцюбинський). Зірка **стогне**, **мов дитина хвора** (Д.Павличко). Дієслово, неперехідне у прямому значенні, метафоризуючись, може ставати перехідним: ...почервонів, як рак, встав, **почав ревіти на мене**, наче павіан, показуючи пальцем двері (В.Гренджа-Донський). На первинне значення ономатопа може вказувати обставина, виражена орудним відмінком іменника: Отак до надвечір'я **жебонів і жебонів струмком** дівочий **голос** і потроху розливав мою печаль (М. Стельмах).

Отже, у результаті дослідження особливостей функціонування онома топів було з'ясовано, що:

- у межах ЛСГ онома топів активно здійснюються процеси метафоризації;
- семантичний обсяг онома топів може розширюватися завдяки формуванню переносних значень;
- у процесі утворення метафоричної номінації відбуваються семантичні зміщення, зумовлені комунікативною метою, при цьому актуалізуються то ядерні, то периферійні семи ономатопа;
- метафоризовані значення сприяють розвитку категорії перехідності в онома топах;
- у переносному значенні онома топи мають практично необмежені сполучувальні можливості;
- метафоризовані онома топи перетинаються з іншими семантичними полями: дієсловами мовлення, психічного стану, руху, фізичної дії тощо. При цьому вони повністю або частково втрачають архісеми звучання. Такі онома топи знаходяться на периферії лексико-семантичного поля звучання.

Джерела та література

1. Ганжа Р.С. Изучение глагольной семантики // Рус. яз. в школе. – 1970. – №4. – С. 33–39.
2. Пустовіт Л.О. Словник української поезії II пол. XX ст. (семантико- функціональний аспект): Дис. ... доктора філол. наук 10.02.01. – К.,1993.
3. Словник української мови: В 11-и т. – Т.9. – К.: Наук. думка, 1978.
4. Українське мовознавство. –1985. – Вип.13. – С. 49.
5. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики. – М.: Наука,1986. – 240 с.
6. Шамота А.М. Переносне значення слова: Дис. ... канд. філол. наук 10.02.01. – К.,1971.

Ганиева Э. ИЗ ИСТОРИИ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Постановка проблемы. После многолетнего перерыва крымскотатарский язык переживает один из наиболее бурных периодов в своем развитии. Ведется исследовательская работа по разным направлениям крымскотатарской филологии. Несмотря на это, еще многие проблемы, связанные с изучением языка, остаются неисследованными. Одной из них является изучение, разработка и систематизация лингвистической терминологии. Без качественной, научно обоснованной терминологии невозможно написание монографий, учебников и методических пособий. Как подчеркивает проф. А.М. Эмирова, «лингвистическая терминология – обязательный концептуально-языковой инструмент, способствующий адекватному описанию всех уровней языковой системы и оптимизации процессов изучения и преподавания языка» [8, с. 75].

Лингвистическая терминология крымскотатарского языка, как и любого другого языка, является открытой системой, непрерывно пополняющейся новообразованиями. Это объясняется возникновением новых направлений в лингвистике, новых методов лингвистических исследований, что предполагает необходимость изучения состояния терминологической системы с новых позиций – как в синхронии, так и в диахроническом плане.

Охарактеризовать современное состояние и выявить перспективы развития лингвистической терминологии крымскотатарского языка невозможно без оценки того, какой вклад внесли языковеды прошлого в развитие данной проблемы и какое значение их концепции имели для своего времени. Этим объясняется необходимость исторического экскурса – определение и изучение истоков лингвистической терминологии, основных этапов развития терминосистемы, характера языковой политики в тот или иной период.

Целью данной статьи является описание основных периодов развития крымскотатарской лингвистической терминологии до 40-х годов прошлого столетия, а также определение значения терминологических дискуссий 20 – 40 гг. для развития крымскотатарской терминологии.

На протяжении нескольких веков (до начала XX века) в тюркских, в том числе и крымскотатарском, языках в основном использовалась заимствованная арабская, а затем разработанная на ее основе османская (турецкая) терминология. Научное наследие этого довольно большого периода в развитии тюркологической лингвистической мысли практически не изучено. Однако некоторые современные исследования позволяют говорить о том, что крымскотатарская научная терминология имеет давние традиции. Представляется, что в настоящий момент базой для исследования соответствующей проблемы могут служить такие общетюркские памятники, как известный лингвистический труд Махмуда Кашгарского «Дивану Лугъати-т тюрк» («Собрание тюркских наречий») (годы написания – 1072-1083), старейший памятник крымскотатарского языка XIII века «Кодекс Куманикус», а также арабско-кыпчакские памятники мамлюкского Египта XIII-XV веков, в том числе и целый ряд словарей.

Заслуживают особого внимания лингвистические труды крымских ученых периода Крымского ханства. Подтверждением тому может служить научный труд известного крымского ученого XVII века Эбуль-Бека Мухибуддин Эйюба Кефеви (1619–1684 гг.) «Эль-Куллият» («Собрание») [9, с.298], являющийся словарем терминов, которые использовались в мусульманских религиозных науках (хадисоведении, юриспруденции (фикх), богословии (калам), экзегетике (комментарии Корана), а также философии, логике

и грамматике.¹ О значимости этого труда и его популярности в научном мире свидетельствуют многократные издания словаря. В XIX–XX веках он был издан в общей сложности 10 раз: трижды – в Египте, (1837; 1839; 1864–1865); дважды – в Стамбуле (1861–1862; 1869–1870); дважды – в Тегеране (1867–1868; 1869–1870); издание с критическими замечаниями в Дамаске (1975–1976; 1981–1982) и, наконец, совсем недавнее Бейрутское издание 1992–1993 гг. Из авторских комментариев выясняется, что при работе над словарем использовалось более 180 источников – классических произведений по исламским религиозным наукам, грамматике и риторике. И это далеко не единственный труд крымскотатарских авторов, в которых они касались лингвистических вопросов.

Появление таких исследований представляется естественным, поскольку арабская и возникшая на ее основе османская (турецкая) грамматики с разработанным терминологическим аппаратом занимали одно из наиболее важных мест в программе мусульманских, в том числе и крымских, медрес.

О значимости филологических наук в области просвещения периода Крымского ханства свидетельствуют многочисленные списки разного рода грамматических сочинений и словарей, сохранившиеся до наших дней, в частности, в собрании старопечатных рукописных книг Ханского дворца-музея. О содержании этой коллекции может дать представление описание ее фрагмента, переданного в 1976 г. в Государственную публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и опубликованного О.В. Васильевой и В.В. Лебедевым в статье «Бахчисарайское собрание восточных рукописей» [2, с. 133–134].

Как отмечают авторы статьи, из 122 рукописей наибольшее количество (вслед за рукописями по фикху (мусульманское право) – 33 сочинения) относится к трудам по грамматике – 27 рукописей. «Это объясняется, – замечают авторы, – серьезным вниманием, уделявшимся фикху и грамматике в мусульманских училищах. Многие сочинения этих жанров представлены в собрании несколькими списками, что свидетельствует об их популярности».

В этой же статье дается описание некоторых произведений, среди которых хотелось бы отметить трактат крымского автора XVIII века Мухаммеда ибн Абду-рахима ибн Ибрахима ал-Кырыми, представляющий собой супракомментарий к комментарию Абд ал-Гафара ал-Лари к учебнику арабской грамматики великого таджикского поэта Абдурахмана Джами² (год написания 1748).

Наличие такого количества лингвистических трудов большой значимости свидетельствует о существовании определенных лингвистических традиций в крымскотатарском языке уже в период Крымского ханства.

Следует выделить период конца XIX века – начала XX века, который условно назван периодом газеты «Терджиман» («Переводчик»), когда под началом великого просветителя и гуманиста И. Гаспринского началась реформа народного образования. И. Гаспринский и его единомышленники ввели новый метод в обучении – звуковой метод, при котором каждой букве алфавита соответствовал определенный звук. Для успешного внедрения этого метода ученый создал ряд учебников и методических пособий, среди которых следует отметить учебник по грамматике родного языка «Сарф-ы тюрки» («Тюркская грамматика») [3]. В этом учебном пособии, адресованном учителям и учащимся мектебе (начальная школа), кратко изложены сведения об основных частях речи (именах существительных, числительных, прилагательных и глаголах) и их грамматических категориях, даны общие сведения о членах предложения.

Интересным материалом для исследования лингвистической терминологии, на наш взгляд, может стать и библиография к «Научной грамматике крымскотатарского языка» известного крымскотатарского ученого-тюрколога Б. Чобан-заде [7, с. 90, с. 135]. В своей работе автор ссылается на источники, в которых можно найти сведения по тюркским грамматикам, написанным в конце XIX – начале XX веков такими учеными, как М. Абдулькадыр, Хусейн Джахид, Мехмед Тевфик, Яхья-Наджи Байбуртлы, Шевкий Бекторе и др. К сожалению, научное наследие вышеуказанных авторов практически недоступно современному читателю, поскольку труды написаны арабским письмом и сохранились в считанных экземплярах.

Во всех научных работах этого периода описание грамматики тюркских языков традиционно опиралось на арабскую грамматику, поэтому в названиях грамматических категорий преобладали арабские и арабско-персидские изафетные конструкции. Примером доминирования в языкознании начала 20-х годов этих конструкций является и «Научная грамматика крымскотатарского языка» Б. Чобан-заде. Из 68 лингвистических терминов, выбранных нами из глоссария к изданию [7, с. 223–235], наибольшее количество является заимствованными арабскими или арабско-персидскими заимствованиями, например, номинации разделов грамматики: нахв – синтаксис, сарф – грамматика; названия частей речи: – исм-и адед – имя числительное; названия некоторых грамматических категорий существительных и глаголов: ахвалы-ы исим – падежи, мази-и баид сыйгыасы – давнопрошедшее сложное время и др. И только 19 терминов образованы от общетюркских корней, например: баш ургъу – ударение, бирлик – единственное число, чекильме – склонение, спряжение и др.

Сложным этапом в развитии крымскотатарского языкознания являются 20–30-е годы, когда произошла кардинальная переориентация в национальной культуре в целом, в том числе и в литературном языке. Арабская письменность была заменена на латинскую, а затем на кириллическую. Наряду с этим была реформирована и научная терминология.

На Всекрымских лингвистических конференциях (1927, 1928, 1929, 1934 гг.) и на I Всесоюзном тюркологическом съезде, состоявшемся в Баку в 1926 г., вопросы терминологии были особо актуальными. Видные тюркологи, деятели науки и просвещения пытались определить принципы образования научной терминологии в тюркских и, в частности, в крымскотатарском языках. По отношению к литературному языку в среде тюркоязычных ученых в этот период выделялось четыре основных течения, представители

¹ Это произведение стало темой докторской диссертации турецкого ученого М. Халиль-Чичека, защита которой состоялась в Турции в 1992 г.

² Абдурахман Джами (1414 – 1492) – известный поэт и мыслитель, написавший учебник по синтаксису арабского языка

которых условно назывались панисламистами, европеизаторами, народниками и пантюркистами. Первые являлись сторонниками сохранения арабско-персидских терминов и дальнейшего пополнения лексики за счет заимствований из арабского языка; вторые придерживались идеи введения русских и европейских заимствований в язык; третьи считали необходимым создание терминов от корней народного языка, пусть даже искусственным способом; и, наконец, четвертые, в их числе Б. Чобан-заде и его сторонники, выступали за создание единой терминологии для всех тюркских языков [4, с. 186].

В своем выступлении на I Тюркологическом съезде Б. Чобан-заде указывал на три основы для создания терминов в тюркских языках: общетюркскую, арабско-персидскую и европейскую. Для выработки унифицированного тюрко-татарского языка он предлагал создать общетюркское научное бюро, которое занималось бы изучением трудов классиков европейской филологии с целью использования этого опыта в тюркологии [4, с. 190–193].

Сторонники очистки языка от арабских и персидских заимствований считали необходимым оставить только такие научные термины арабско-персидского происхождения, которые выражали религиозные понятия. Однако на II Всекрымской научно-орфографической конференции было принято решение о полном изъятии из литературного языка арабских и персидских заимствований и запрете их использования в терминосистеме крымскотатарского языка [6, с. 54–55].

Шла борьба между сторонниками сохранения национальной культуры и специфических особенностей языка (Б. Чобан-заде, Ш. Бекторе, С. Айвазов, А. Лятиф-заде и др., которых в дальнейшем обвинили в пропаганде буржуазно-националистической идеологии) и сторонниками так называемой социалистической культуры, которые были ориентированы на русско-татарское двуязычие. Если на II Всекрымской конференции по крымскотатарскому языку были предложены такие основные пути дальнейшего пополнения терминосистемы крымскотатарского языка, как использование готовых лексических единиц родного языка, международных языковых единиц и арабско-персидских заимствований, уже освоенных языком, то к середине 30-х годов, когда языковая политика заметно изменилась, при разработке терминов особо подчеркивалась роль интернациональных слов и советизмов. Как отмечают исследователи, в этот период в крымскотатарский язык хлынул поток русских заимствований, в том числе словообразовательных моделей, калек и полукалек [5, с. 20].

Неразрывной частью борьбы, шедшей вокруг языка и языковой политики, были споры относительно грамматических терминов. Все дореволюционные грамматики были признаны грамматиками языка тюрко-татарской буржуазии и духовенства. Активно разрабатывались учебники и учебные пособия нового образца. Во вновь созданных учебниках и пособиях по крымскотатарскому языку арабско-персидские термины (кроме укоренившихся в языке) были заменены словами общетюркского происхождения и заимствованиями из русского, и посредством русского, из других языков интернациональными словами, например: сайт, сайте – созукъ сес (гласный звук), сарф – грамматика, нахв – синтаксис и др. В этот же период в крымскотатарский язык без учета его специфических особенностей были внедрены характерные для европейских языков словообразовательные аффиксы, например, -изм, -логия, -ация, -ист: сингармонизм, фразеологизм; артикуляция, ассимиляция, классификация; лексикология, семасиология и др.

В 30–40-е годы была издана серия терминологических словарей по различным дисциплинам – математике, физике, химии и др., в том числе и «Русско-татарский терминологический словарь по языку и языкознанию» (Тиль ве тиль бильгиси терминлери лугъаты) [1]. Количественный и качественный анализ терминов, зафиксированных в данном словаре, показывает следующее:

1. Словарь является двуязычным переводным словарем. Он содержит около 1,5 тысяч терминологических единиц.
2. Русские термины переведены на крымскотатарский язык следующими способами:
  - заимствование готовых терминологических единиц международного фонда: *архаизм – архаизм, диалект – диалект, синоним – синоним, гармония гласных – созукъларнынъ гармониясы, диктант контрольный – контроль диктанты* и др.;
  - калькирование: *двуязычие – эки тиллилик, взрывные согласные – патлайыджи тутукълар* и др.;
  - использование общетюркской лексики: *определение – айырыджи, числительное – сайы* и др.
3. Термины, представленные в словаре, в основном охватывают такие теоретические области крымскотатарского языка, как фонетика и морфология, реже встречаются термины по лексикологии и синтаксису и практически отсутствует терминология фонологии и семасиологии (очевидно, вследствие неразработанности этих областей языкознания в тот период).

Термины, зафиксированные в вышеуказанном словаре, а также термины, представленные в учебниках и пособиях по языку, изданных в 30–40 годах (Э.А. Къуртмоллаев, 1938, 1939, 1940; А. Ислямов, 1938 и др.), за небольшими изменениями (например: *надеж* в вышеуказанных изданиях – *ал*, в современном крт. – *келиш*, *однокоренное слово – сѣз къорантасы*, в соврем. – *тамырдаш сѣз* и др.) легли в основу современной крымскотатарской терминологии.

Таким образом, именно к этому периоду (30–40 гг. XX в.) крымскотатарский научный язык полностью отошел от прежних лингвистических традиций и стал ориентироваться на европейские и русские лингвистические теории.

В период Второй мировой войны и в годы депортации изучение проблем крымскотатарского языкознания, как и других проблем крымскотатарской культуры, было приостановлено. Возобновилась эта работа только в конце 60-х годов после создания в 1968 году отделения крымскотатарской филологии при Ташкентском государственном педагогическом институте им. Низами.

Выводы. Таким образом, в статье предпринята попытка описать формирование и развитие крымскотатарской терминологии до 40-х XX столетия, а также очертить круг источников, которые могут быть полезны при диахроническом исследовании этой темы в крымскотатарском языке.

Основными, на наш взгляд, являются следующие периоды становления лингвистической терминологии:

- общетюркский период (до начала XIII века);

- золотоордынский период (с XIII по XV вв.);
  - период Крымского ханства (первая половина XV века по 1783г.);
  - эпоха газеты «Терджиман» и культурно-просветительской деятельности его издателя и редактора И. Гаспринского (1883 – 1918гг.);
  - период реформирования крымскотатарского языка (1920–1940 гг.).
- Для формирования крымскотатарской терминологии большое значение имели терминологические дискуссии 30-40 гг. XX столетия, которые заложили основу современной лингвистической терминосистемы языка.

Источники и литература

1. Борковский В.И., Ислямов А. Тиль ве тиль бильгиси терминлери (Русско-татарский терминологический словарь по языку и языкознанию). – Симферополь: Крымгосиздат, 1941. – 58 с.
2. Васильева О.В., Лебедев В.В. Бахчисарайское собрание восточных рукописей // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг: Сборник научных трудов / ГПБ. – Л. – 1983. – С. 131–139.
3. Гаспринский И. Сарф-ы тюркий. – Бахчисарай: Изд-во типо-литогр. газ. «Терджиман». – 1907. – 26 с.
4. Материалы I Всесоюзного тюркологического съезда. – Баку: 1926.
5. Рустемов О.Д. Внешняя и внутренняя лингвистика крымскотатарского языка (Терминология правовой сферы). – Киев: Общество «Знание» Украины, 2001. – 40 с.
6. Тезисы, доклады и принятые резолюции II Всекрымской научно-орфографической конференции. – Симферополь: Крымгосиздат, 1929.
7. Чобан-заде Б. Къырымтатар ильмий сарфы / Составители А.М. Эмирова, Н.С. Сейтягъев, под общей ред. А.М. Эмировой. – Симферополь: Доля, 2003. – 240 с.
8. Эмирова А.М. Актуальные проблемы крымскотатарской филологии // Східний світ. – 2002. – № 1. – С. 75–79.
9. Hulûsi Kilici. Ebûl-Bekâ el-Kefevî // İslâm Ansiklopedisi. Cilt 10. – İst., 1994. – 560 s.

Деремедведь Е.Н. ОБРАЗ ПОСЛЕВОЕННОГО КРЫМА В ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЯХ АНГЛИЙСКОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ МИССИС ВИЛЬЯМ ГРЕЙ (1869 г.)

Крымская земля, несмотря на свою удивительную красоту и живописную природу, обильно полита слезами и кровью. Из-за выгодного геополитического положения Крым всегда становился если не предметом политических споров, то настоящим полем брани армий различных держав, стремившихся захватить полное влияние и диктовать условия соперникам в Причерноморье. История крымского полуострова тесно связана с масштабными событиями мирового значения, в том числе с ключевыми военными сражениями, поэтому здесь много солдатских могил, одиночных и братских.

Есть в Крыму и иностранные военные захоронения, где 300 тысяч англичан, французов, русских, итальянцев, погибших во время Крымской войны 1853–1856 гг., нашли свой покой далеко от родины. Эти кладбища, устроенные сразу же после Парижского мирного договора, подвергались разрушению. Время и люди не пожалели многочисленные некрополи, поэтому они, фактически, не сохранились, за исключением фрагментарных остатков.

В этой связи небезынтересно раздвинуть толщу времени и воочию увидеть Крым после войны 1853–1856 гг. Сюда приезжали, приезжают и будут приезжать родственники погибших иностранных солдат или просто их соотечественники, чтобы отдать дань памяти павшим воинам.

В данной статье мы попытаемся восстановить послевоенный облик крымского полуострова второй половины XIX века на примере путевых заметок, сделанных некоей миссис Грей, находившейся в свите принца (в последствии – король Англии Эдуард VII) и принцессы Уэльских, которые совершили в период с января по май 1869 года ознакомительную поездку по ряду государств.

Будущий наследник британской короны ознакомился со стратегически важными странами Востока – Египтом и Турцией, посетил ведущие европейские державы – Францию, Грецию, Италию. И в этом вояже четыре дня было отведено далекому Крыму, с которым были связаны болью и утратой многие британские семьи.

Отправившись в путешествие из Копенгагена, почтенная чета побывала в Берлине и Вене, а затем отплыла на фрегате «Ариадна» из Триеста в Александрию, через порты Египта – в Константинополь, а оттуда – в Крым. На обратном пути англичане посетили Грецию и Италию. И уже в конце 1869 года в Лондоне вышла в свет книга, на страницах которой описывались впечатления упомянутой миссис Грей. Книга называлась «Дневник посещения Египта, Константинополя, Крыма, Греции почтенной миссис Вильям Грей в свите принца и принцессы Уэльских».

К сожалению, до настоящего времени текст дневника не переводился на русский язык. Хотя, по нашему мнению, он может существенно дополнить современные представления о процессе формирования образа Крыма в англоязычной литературе.

В лондонском издании практически отсутствуют биографические сведения об авторе – Терезе Грей (1837–1901). Лишь из вводной части, посвященной принцу и принцессе, а также начала главы I по крупным пунктам можно собрать краткую информацию об этой даме.

Известно, что она была родом из знатной датской семьи, жившей в городе Элгхаммар. Брат Терезы занимал пост шведского министра в Копенгагене. Вероятно, миссис Грей вышла замуж за англичанина – Вильяма Грея, но о нем нет упоминаний в дневнике, однако есть ссылка на то, что деверь Терезы, генерал